

Сергей Тулупов

г. Череповец,
Вологодская обл.

Массовик-затейник с передовой

Первый год войны, Великой и отечественной, где-то недалеко от Москвы. День не удался, с трудом было отбито несколько атак немецкой пехоты, усиленной танками, да и авиация с артиллерией жёстко пропахали позиции, удерживаемые изрядно поредевшим батальоном. К вечеру удалось отправить десятки раненых в тыл, фашисты тоже устали от безрезультатных атак, а ужин с обедом где-то застрял в пути на передовую в ожидании полной темноты из-за немецких снайперов.

До двух десятков голодных и измученных бойцов набилось в просторный, чудом уцелевший блиндаж, а скорее обширную землянку с трёхъярусными нарами вдоль стен во второй линии обороны наполовину разрушенных траншей. Небольшая металлическая печурка едва согревала помещение, чад от сырых дров, испарения с мокрой одежды и дыхание солдат довершали печальную и угрюмую атмосферу замкнутого пространства. Под потолком на телефонном проводе висела «Катюша», небольшая самодельная лампа из гильзы орудийного снаряда, заправленная бензином с солью, слабо освещая, но основательно коптя всё вокруг и оседая хлопьями сажи на грязных

и давно небритых лицах пехотинцев. Настроение на нуле.

Одним из последних аккуратно прикрыв толстую грубо сколоченную дверь из необструганных досок, ввалился малознакомый красноармеец из соседней роты в грязной шинели, с нечасто встречающимся оружием, автоматом ППШ на плече, тощим рюкзаком за спиной и немецкой каской на голове. Перед тем как зайти в блиндаж, боец пару минут провозился, очищая кирзовые сапоги от налипшей весенней грязи, чего большинство солдат из-за хронической усталости не стали делать. Счастливики заняли все нары, несколько пехотинцев сидели вокруг печурки кто на чём, стараясь согреться.

– Невесело сидим, ребятки, – выдал он, устраиваясь в расстёгнутой шинели около печки, подложив под зад большую немецкую каску и доставая из кармана гимнастёрки кисет с махоркой и сложенную в несколько раз газету.

– За день до блёва навеселились, почти все командиры полегли в последней рукопашной, вот и позволил комиссар занять офицерский блиндаж, а его в штаб полка вызвали. Ты бы не курил здесь, а то и так дышать нечем, – ответил незваному гостю какой-то боец, сидящий напротив него на нижних нарах и пытавшийся в очередной раз дописать письмо жене, уцелев после кровавой мясорубки боя.

– Хорошо! Ну, так хоть повеселиться-то можно?! – с этими словами незнакомец, с едва заметной щетиной и разводами на обтёртом снегом лице медленно развязал вещмешок и достал из него ручную гранату РГД-33, сняв с неё оборонительный чехол.

– Эй, парень, ты чего совсем охренел?! – крикнул ему тот же солдат, убрав письмо с карандашом за пазуху и устремляясь в одних обмотках на ногах к выходу из блиндажа. И уже всем остальным на ходу: – Полундра!!!

Соскочившие с нар бойцы кто в чём, хватая оружие и рюкзаки, пульей понеслись к выходу. Последние красноармейцы успели заметить, как ненормальный гость выдернул чеку и отправил гранату под немецкую каску, продолжая на ней сидеть и доставая кисет с махоркой.

Почти все бойцы за три-четыре секунды успели выскочить наружу, а кое-кто умудрился отбежать на десять, пятнадцать и даже двадцать метров и спрятаться в нишах траншей. Предпоследним выскочил сержант, успев захлопнуть массивную дверь и упав возле неё, споткнувшись о чьи-то ноги. Пожилому бойцу из Вологодчины не повезло. Он замешкался и стал невольным и последним свидетелем происшедшего. В блиндаже глухо ухнуло.

Через минуту несколько солдат во главе с осунувшимся сержантом, пытающимся стряхнуть с гимнастёрки налипшую грязь пополам со снегом, столпились возле не выбитой от взрыва двери недавнего пристанища, не решаясь войти внутрь. За дверью стояла зловещая тишина.

– Ну чего, пошли убираться, может, ещё удастся немного поспать под крышей, пусть и не в тепле, – решительно открыв дверь, первым вошёл, отодвинув остальных, красноармеец в размотавшихся портянках, так и не успевший дописать письмо домой.

Остальные бойцы, последовали за ним и неожиданно застряли в дверях перед застывшим от изумления смельчаком от увиденной пасторальной фронтовой картины. Всё так же чадила «катюша» под потолком, в печи весело разгорелся огонь от внезапного притока воздуха из дверного проёма, а несколько сапог, вещмешков и винтовка валялись на земляном полу. Слева от входа с широко раскрытыми, безумными глазами сидел пожилой боец с Вологодчины и, что-то несвязно мыча, тыкал пальцем в сторону массовика-затейника, малознакомого красноармейца из соседней роты. Восседавая на той же немецкой каске, возмутитель спокойствия неторопливо раскручивал самокрутку.

– И чего столпились, как бедные родственники? Проходите – табачком угощу. У меня сегодня много набралось кисетов от погибших, на всех хватит. Помогал санитаром раненых с поля боя выносить, заодно и каску немецкую прихватил, а за фокус мой уж не обессудьте. Настроение сегодня поганое, вот и захотел себя и вас развеселить. Не подумал, что так быстро от страха убежите, – по-дружески попытался разрядить возникшее «недопонимание» шутник с гранатой.

– Морду бы тебе набить за такие шутки, – выдал, поднимаясь, пожилой боец-вологжанин, снова обретя голос, лишь немного заикаясь и подходя первым за дармовым табачком.

– В морду всегда успеете, а если хотите, могу фокус и повторить, – предложил фронтовой массовик-затейник.

– Нет уж, повторять не стоит, а вот объясни: как это тебя по стенкам блиндажа не размазало. Своими глазами видел, как гранату под каску подсунул, – вступил в разговор сержант, дрожащими руками сворачивая «козью ножку».

– А фокуса и нет никакого. Сапёры-подрывники научили. Оказывается, немецкая каска из легированной стали, а осколки от взрыва нашей ручной гранаты без наступательной рубашки, если подорвать под ней, не успевают нужную силу набрать и пробить два миллиметра толщины. Только от такого взрыва задница неделю побаливает, да каска нужна неповреждённая, а то без мужской доблести можно остаться, – со смехом открыл секрет своего представления интеллигентный шутник-красноармеец, любитель поиграть со смертью в прятки.

– Да, я сам видел, как его на пару вершков вместе с каской подбросило над полом, – добавил многодетный вологодский крестьянин, совсем недавно призванный на войну. – А потом жопу рукой растирал.

Все дружно рассмеялись, выгоняя из себя остатки страха от недавнего фокуса – эксперимента шутника с гранатой. Вскоре неспешный разговор перешёл на воспоминания о мирной жизни, а ближе к полуночи – и ужин с обедом в больших бачках доставили бойцы-обозники, успевшие к тому времени накормить пехоту в передовой траншее батальона. Правда, к тому времени добрая половина воинов-защитников отечества мирно посапывала на трёхъярусных нарах в просторном командирском блиндаже где-то на бескрайних фронтовых полях совсем рядом со смертью.

Р. С. История рассказана ветераном войны, работником Череповецкого сталепрокатного завода внимательным слушателем вычислительного центра перед праздником День Победы в год Московской олимпиады.